

Выйдя от старого доктора, Цин Янь не пошел домой, а направился прямо в кузницу к Цю Хэняню.

В кузнице было тихо: Сяо Чжуан отправился доставлять заказ, а Цю Хэнянь как раз занимался ремонтом железных изделий. Цин Янь изначально пытался сохранять спокойствие, но, как только переступил порог и увидел Цю Хэняня, его сдержанность рухнула — глаза мгновенно покраснели. Цю Хэнянь заметил это, сразу отложил работу, прикрыл дверь кузницы и поспешил к Цин Яню. Он помог ему сесть на низкую табуретку, сам присел рядом и тихо спросил:

— Что случилось? Кто-то тебя обидел?

Цин Янь покачал головой и рассказал о словах старого доктора. Услышав это, Цю Хэнянь нахмурил брови, опустил взгляд и задумался.

Цин Янь схватил его за руку, заплакал и спросил:

— Если это действительно яд, с тобой все будет в порядке?

Цю Хэнянь очнулся от своих мыслей, обнял его за плечи и покачал головой:

— Столько лет прошло, я привык. Вряд ли что-то внезапно изменится. Не переживай.

— Лекарь тоже так сказал, но как я могу не переживать? — ответил Цин Янь.

Цю Хэнянь тяжело вздохнул и прижал его к себе. От этого сейчас мало что зависело, да и подтверждений, что это был яд, пока не было.

Цин Янь был человеком, который не мог скрывать своих переживаний. Если он терял голову, то становился полностью растерянным. Но когда дело касалось безопасности Цю Хэняня, он был не в силах сдержать слез и долго плакал.

Когда слезы иссякли, Цин Янь немного пришел в себя, и хаос в его голове начал понемногу упорядочиваться. Он вдруг почувствовал, что что-то здесь не так, и с сомнением произнес:

— Если это правда был яд, то все слишком совпадает. Тогда, когда дядя Цинь попал в беду, ты спас его, а после этого его увез на юг чиновник из Наньшэна. По пути он очнулся и ничего не помнил о своем прошлом. А два-три года спустя тебя нашел Кузнец Ван на берегу реки. Ты тоже очнулся без памяти...

Цю Хэнянь задумчиво смотрел в окно.

— Я тоже об этом подумал.

Оба на некоторое время замолчали.

Наконец Цю Хэнянь сказал:

— Похоже, нужно найти тех самых бандитов, что похитили дядю Циня.

Цин Янь задумался и предложил:

— Самим нам с этим будет сложно справиться. Муж сестры Лань знаком с писарем из уездного управления. Может, попросим его о помощи?

Цю Хэнянь кивнул:

— Хорошо.

Хотя они наметили план действий, Цин Янь не мог успокоиться. Его знания об этом мире ограничивались воспоминаниями прежнего владельца тела. Тот едва общался с Цю Хэнянем и почти ничего о нем не знал, тем более о его прошлом и скрытых тайнах.

Люди, перенесшиеся в другой мир, обычно получали хотя бы какой-то «золотой палец»: будь то способность совершать подвиги или хотя бы инструмент для собственной выгоды. А он, будто смотрел сериал с кратким описанием персонажей, причем без спойлеров. Это оставляло его в полном неведении, не давая ни малейшего шанса разобраться и помочь.

Цин Янь чувствовал себя ужасно.

Когда он готовил ужин, получилось всего два блюда: жареные яйца с чесночными стрелками и тушеная свинина с сушеной фасолью. Но одно оказалось пересоленным — в яйца он дважды добавил соль, а в свинину совсем забыл ее положить.

За ужином Цин Янь попробовал оба блюда: одно оказалось настолько соленным, что невозможно было есть, а другое — совершенно безвкусным. Он с раздражением отложил палочки.

Цю Хэнянь, заметив его состояние, мягко убрал прядь волос с его лица за ухо, затем успокаивающе сжал его подбородок и, не сказав ни слова, поднялся из-за стола. Он вылил яйца с чесночными стрелками обратно в сковороду, добавил воды и превратил их в суп, чтобы разбавить излишнюю соленость. Со свининой было проще: он просто добавил соль и немного обжарил ее.

Когда блюда вновь оказались на столе, Цю Хэнянь взял палочки и положил кусочек нежной тушеной свинины в тарелку Цин Яня:

— Попробуй, как теперь?

Цин Янь поднял палочки, взял мясо и, пожевал его, кивнул. Так они молча доели ужин.

Вечером, ложась спать, Цю Хэнянь привычно обнял Цин Яня сзади. Но Цин Янь вдруг запротестовал:

— Перевернись. Теперь я буду обнимать тебя.

Цю Хэнянь, улыбнувшись, послушно повернулся, и Цин Янь крепко обхватил его за талию, положив ногу на его бедро и уткнувшись лицом в его спину. Он слегка потерся щекой, будто стараясь успокоиться.

Через некоторое время Цю Хэнянь почувствовал, как ткань его рубашки намочила. Его сердце болезненно сжалось, и он попытался повернуться, чтобы обнять Цин Яня, но тот упорно держал его, не позволяя шевелиться.

Наконец, дыхание Цин Яня стало ровным, и его горячее, влажное дыхание, пробиваясь сквозь тонкую ткань, согревало спину Цю Хэняня. Цин Янь уснул.

Цю Хэнянь знал, что гер боится. Боится за него, боится, что с ним может что-то случиться. Но он сам тоже боялся. Боялся, что его неизвестное прошлое нарушит их нынешний покой, а еще больше боялся, что оно принесет беду Цин Яню.

□□.....

На следующий день они вдвоем отправились в уездный город, чтобы обсудить ситуацию с Цинь Лань и Жэнь Сяо. Жэнь Сяо твердо заверил, что сделает все возможное, чтобы разобраться в этом деле.

Цинь Лань, улыбаясь, сказала:

— Раз уж вы уже приехали в уезд, не торопитесь возвращаться. Пойдемте в театр, попьем чаю, слушаем песни.

Цю Хэнянь, зная, что последние несколько дней Цин Янь был в подавленном настроении, решил, что небольшая прогулка будет ему на пользу, и согласился.

Пока Жэнь Сяо ушел в уездное управление, они втроем отправились в местный театр.

В театре выступали не с привычными для Цин Яня пекинской оперой или другими местными постановками, а с представлением под названием «Хуанлунси». Это был яркий, шумный и захватывающий спектакль: в одной сцене артисты танцевали, как в народных хороводах, в другой — пели задорные песни. Все сопровождалось громкими ударами гонгов и барабанов, мелодии были задорными и высокими.

Весь день они сидели, пили чай, грызли семечки и наслаждались этим оживленным зрелищем. Лицо Цин Яня постепенно перестало быть таким напряженным, а временами он даже начинал улыбаться.

В середине представления пришел Жэнь Сяо и сообщил, что уже договорился, и теперь оставалось только ждать новостей.

...

Вечером, поужинав и убрав все на место, Цю Хэнянь поставил воду на огонь, сказав, что собирается принять ванну. В печь подбросили качественный уголь, пламя полыхало, наполняя комнату жарким, уютным теплом. Цин Янь расслабленно лежал в ванной бочке, подперев подбородок перекрещенными на краю бочки руками и прикрыв глаза.

Цю Хэнянь стоял рядом, укрывшись легким халатом, и с усердием промывал его длинные, блестящие черные волосы. Цин Янь был уже наполовину сонный, его дыхание пропиталось легким ароматом горячего пара и мыльного ореха.

Только когда мужчина за его спиной тихо сказал: «Готово», он открыл глаза.

Цин Янь поднялся из воды. Цю Хэнянь поддерживал его за руку, наблюдая, как он, опустив голову, выходит из ванны. Его ноги были стройными и изящными, кожа сияла мягким светом, а движения были легкими и грациозными, как у маленького зверька.

Когда Цин Янь встал на пол, ему стало немного прохладно, несмотря на тепло в комнате. Грудь невольно слегка напряглась от холода. Цю Хэнянь мельком взглянул туда, а затем взял полотенце, чтобы вытереть его. Когда тело было почти высушено, Цю Хэнянь передал полотенце Цин Яню и сказал, чтобы тот ложился на кровать, укрывался одеялом и вытирал волосы.

Цин Янь поднял голову и сказал, глядя на него:

— Я тоже помогу тебе помыться.

Цю Хэнянь улыбнулся:

— Иди, подожди меня. Я быстро.

Цин Янь моргнул, его лицо стало постепенно краснеть. Он послушно направился к кровати. Цю Хэнянь провожал его взглядом, который задержался на спине гера, особенно на небольших ямочках в пояснице, красиво выделяющихся с каждым его шагом.

Цин Янь наклонился, чтобы достать одеяло с дальнего края кровати. Масляная лампа стояла рядом с ванной, и в темноте света едва хватало, чтобы обрисовать неясную треугольную тень.

Тем временем человек у кровати завершил свои дела, приподнял одеяло и лег.

Цю Хэнянь, вернув свой взгляд, снял халат и вошел в купель. Горячая вода окутала его тело, запах был мягким и знакомым. Он откинул голову назад, закрыл глаза, глубоко вдохнул и почувствовал, как напряжение постепенно уходит.

После того как они закончили с купанием, масляная лампа была переставлена на стол у кровати. Оба устроились, прислонившись к изголовью, и принялись за чтение книги.

Последние несколько дней они читали сборник рассказов о странных событиях и местных легендах. В одном из них рассказывалось о том, как в дождливый день с неба упала огромная черная рыба, которая, оказавшись на земле, начала уничтожать все живое. Тогда с небес спустилась другая рыба, ярко-красная, чтобы остановить ее. Между ними завязалась схватка, длившаяся восемьсот раундов. Черная рыба была убита, но и красная, истратив все свои силы, погибла, истекая кровью, на одном из холмов. Говорят, что из-за этого земля в том месте приобрела красный оттенок.

Цин Янь всегда находил подобные истории невероятно увлекательными. Особенно ему нравилось, что после каждого рассказа Цю Хэнянь делился реальными фактами о местах, упомянутых в легендах. Такое сочетание вымысла и реальности делало чтение еще более захватывающим.

Но в этот момент настроение Цин Яня постепенно стало угасать, и он никак не мог сосредоточиться на чтении.

Цю Хэнянь заметил это, отложил книгу и спросил:

— Сегодняшняя «Пьеса о Желтом Драконе» была интересной?

Цин Янь кивнул:

— И послушать, и посмотреть было приятно.

Цю Хэнянь продолжил:

— А какой момент тебе понравился больше всего?

Цин Янь задумался на мгновение, а затем ответил:

— Та сцена, где женщина с мужем на дамбе пьют вино и поют поздравления.

Цю Хэнянь задумчиво помолчал, потом прочистил горло и неожиданно начал петь:

— «Первое желание — чтобы супруг жил тысячу лет,

Второе желание — чтобы я всегда была здорова,

Третье желание — чтобы мы, как ласточки под крышей,

Каждый год встречались вновь и вновь».

Эти строки, которые в пьесе исполнялись нежно и мелодично, на сцене звучали изящно и трогательно. Однако у Цю Хэняня голос был холодноватый, и в его исполнении, с легкой хрипотцой, слова обрели совершенно другое звучание. Они сочетали в себе прохладную ясность, грубоватость и в то же время странную нежность, создавая разительный контраст, который захватывал внимание и пробуждал глубокие чувства.

Цин Янь смотрел на него, широко раскрыв глаза.

Цю Хэнянь с улыбкой поднял руку и легонько ущипнул его за щеку:

— Не смотри так на меня, а то я пожалею, что спел это.

Цин Янь наконец не выдержал и, закрыв рот ладонью, засмеялся. Он смеялся тихо, потом все громче, а затем не удержался и упал на Цю Хэняня, смеясь до слез.

— Ты правда умеешь петь оперу! — воскликнул он между приступами смеха.

Сказав это, он снова захохотал.

Цю Хэнянь с явной досадой посмотрел на него:

— Продолжишь смеяться — я с тобой церемониться не стану.

Цин Янь, все еще смеясь, ответил:

— Ну давай, попробуй, я не боюсь!

Цю Хэнянь, в ответ на вызов Цин Яня, решил действовать всерьез. С легким движением он прижал его к кровати, и Цин Янь тихо вздохнул, ощутив силу его рук.

Теплый свет лампы мягко освещал комнату, делая кожу гера будто светящейся. Его щеки вспыхнули румянцем, когда он попытался отвернуться, но Цю Хэнянь не позволил.

Наклонившись ближе, он внимательно вглядывался в черты его лица, словно пытаясь понять что-то сокровенное. Несмотря на утонченную внешность Цин Яня, в его взгляде читалось нечто более глубокое и сложное.

Мужчина приблизился настолько, что их дыхание смешалось, и тихо спросил:

— Сейчас боишься?

Цин Янь слегка прикусил губу, его взгляд колебался, но затем он твердо ответил:

— Нет, не боюсь.

Цю Хэнянь склонился еще ближе, его губы мягко коснулись Цин Яня. Это был поначалу осторожный поцелуй, но вскоре он стал более настойчивым, обжигая теплом и оставляя ощущение почти непреодолимой силы. Цин Янь попытался сесть, но сильные руки Цю Хэняня мягко, но решительно удержали его. Он пробовал протестовать, но слова терялись, смешиваясь с его дыханием:

— Не... испачкай...

Еще через некоторое время Цин Янь заплакал и взмолился о пощаде:

- Я боюсь, разве этого недостаточно?!

Но никакие слова уже не помогали.

Снаружи снова пошел снег — возможно, это была последняя метель перед наступлением весны. Холодный ветер завывал, ударяя в оконные рамы и вызывая громкий треск. А в комнате было так жарко, словно настало лето. Цин Янь чувствовал слабость в ногах, которые стали

совсем тяжелыми, но ему уже было не до этого.

<http://bllate.org/book/13590/1205227>